

〈О РОМАНЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»〉

XII

Содержания «Что делать?» мы излагать не будем. Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и склонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу и веру в лучшее будущее.

И доверенность великую
К бескорыстному труду...

Наши обскуранты не раз указывали на отсутствие в романе художественных достоинств, на его очевидную тенденциозность. С внешней стороны упреки эти справедливы: роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нем очень мало. Но пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?»! Никто не укажет такого произведения, потому что его не было, нет и, наверное, не будет. С тех пор, как завелись типографские станки в России, и вплоть до нашего времени, ни одно печатное произведение не имело в России такого успеха, как «Что делать?». Извольте после этого указывать на тенденциозность автора, извольте повторять, что он не художник! Читающая публика очень основательно заметит вам, что ей до этого нет дела, что всякая беллетристика

хороша, кроме скучной, — роман же Чернышевского вызывал в ней восторг, а не скуку; этого с нее совершенно достаточно. Наконец, господа обскуранты, ведь вы также не чуждаетесь тенденциозности в своих беллетристических произведениях. Вы также не прочь написать тенденциозный роман или повесть. Вся беда в том, что *ваших* тенденциозных произведений никто не читает, что ими никто не увлекается. Как вы думаете, откуда происходит это различие? Не показывает ли оно, что тенденция тенденции рознь и что бывают такие тенденции, которые несколько не мешают успеху окрашенных ими произведений?

В чем заключалась тайна колоссального, неслыханного успеха «Что делать?»? Именно в характере его тенденции, в полной своевременности распространения у нас высказанных автором мыслей. Сами по себе мысли эти были не новы, Чернышевский целиком взял их из западноевропейской литературы. Проповедью свободных и, главное, *искренних, честных* отношений в любви мужчины к женщине гораздо раньше его занималась Жорж Санд во Франции*. Лукреция Флориани¹ по нравственным требованиям, предъявляемым ею к любви, ничем не отличается от Веры Павловны. Идеи Жорж Санд еще в сороковых годах встречали у нас самое горячее сочувствие. Белинский был страстным поклонником этой писательницы. В своих статьях он не раз проводил ее взгляды на свободу и искренность в любовных отношениях. Известно, как упрекал он пушкинскую Татьяну в том, что, любя Онегина, но в то же время будучи «другому отдана», она не последовала влечению своего сердца и продолжала жить с нелюбимым стариком-мужем. Лучшие из «людей сороковых годов» в своих отношениях к женщине держались тех же принципов, каким следовали Лопухов и Кирсанов. Но до появления романа «Что делать?» эти принципы разделялись только небольшой кучкой «избранных», масса читающей публики совсем не понимала их. Даже Герцен не решился высказать их во всей полноте и ясности в своем романе «Кто виноват?». С выходом «Что делать?» — вопрос был поставлен до последней степени ясно и резко. Никакие сомнения не могли более иметь места. Мыс-

* Заметим кстати, что «Wahlverwandschaften» («Сродство душ». — Ред.) Гете и некоторые из его драм также представляют собою слово в защиту свободной любви. Это хорошо понимают многие немецкие историки немецкой литературы, которые, не дерзая хулить такого авторитетного писателя и в то же время не смея согласиться с ним по своему филистерскому благонавию, лепечут обыкновенно нечто совершенно непонятное насчет странных будто бы парадоксов великого немца.

лящим людям оставалось: или руководствоваться в любви принципами Лопухова и Кирсанова, или, склоняясь пред свято-стью брака, прибегать, в случае проявления у них нового чувства, к старому испытанному средству тайных амурных похищений, или, наконец, совершенно подавлять в себе всякое любовное чувство, ввиду *принадлежности* своей другому, уже нелюбимому человеку. И выбор приходилось делать совершенно сознательно. Чернышевский так разъяснил этот вопрос, что естественная прежде необдуманность и непосредственность любовных отношений сделались совершенно невозможными. На любовь распространился контроль сознания, сознательный взгляд на отношения мужчины к женщине сделался достоянием широкой публики. И это было особенно важно у нас в эпоху шестидесятых годов. Пережитые Россией реформы перевернули вверх дном не только ее общественные, но и семейные отношения. Лучи света проникли в такие закоулки, которые до того времени оставались совершенно темными. Русские люди вынуждены были оглянуться на себя, посмотреть трезвыми глазами на свои отношения к ближним, к обществу и семье. В семейных отношениях, в любви и дружбе стал играть большую роль новый элемент — *убеждения*, которые меллись прежде лишь у самой маленькой кучки «идеалистов». Различие в убеждениях служило поводом к неожиданным разрывам. Женщина, «отданная» известному человеку, нередко с ужасом открывала, что ее законный «обладатель» есть обскурант, взяточник, низкопоклонный льстец перед начальством. Мужчина, с наслаждением «обладавший» прежде красавицей женою и неожиданно для него самого затронутый потоком новых идей, часто с отчаянием видел, что его прелестная игрушка интересуется вовсе не «новыми людьми» и не «новыми взглядами», а новыми нарядами да танцами, да еще чинами и жалованьем мужа. Все объяснения и увещания оказываются напрасными, красавица превращается в настоящую мегеру, как только муж попробует заикнуться, что он «служить бы рад», но что «прислуживаться тошно». Как быть? Что делать? Знаменитый роман показывал, как быть и что делать. Под его влиянием люди, считавшие себя прежде законной собственностью других, начинали повторять вместе с его автором: о грязь, о грязь, кто смеет обладать человеком! — и в них просыпалось сознание человеческого достоинства, и они, часто после жесточайших душевных и семейных бурь, становились на собственные ноги, устраивали свою жизнь сообразно со своими убеждениями и сознательно шли к разумной человеческой цели. Уже ввиду одного этого можно

сказать, что имя Чернышевского принадлежит истории, и будет оно мило людям, и будут вспоминать его с благодарностью, когда уже не будет в живых никого из лично знавших *великого русского просветителя*.

Обскуранты обвиняли Чернышевского² в том, что он проповедовал будто бы в своем романе *«эмансипацию плоти»*. Нет ничего нелепее и лицемернее этого обвинения! Возьмите любой роман из великосветской жизни, припомните любовные похождения дворянства и буржуазии во всех странах и у всех народов, — и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповедовать давно уже совершившуюся эмансипацию плоти. Его роман проповедует, наоборот, *эмансипацию человеческого духа, человеческого разума*. Никто из людей, проникшихся направлением этого романа, не будет иметь склонности к будуарным похождениям, без которых жизнь не в жизнь «светским» людям, проникнутым лицемерным уважением к ходячей морали. Гг. обскуранты прекрасно понимают строго нравственный характер произведения Чернышевского и сердятся на него именно за его нравственную строгость. Они чувствуют, что люди, подобные героям *«Что делать?»*, должны считать их величайшими развратниками и испытывать к ним глубочайшее презрение.

Некоторые замечают также, что хорошо было Лопухову и Вере Павловне проявлять свои возвышенные чувства, когда у них не было детей: будь у них дети, им пришлось бы идти по избитой дороге в своих любовных отношениях. Чернышевский и сам говорит, что если бы у Веры Павловны были дети, то она, может быть, поступила бы иначе. Он прекрасно понимал, что вопрос об отношениях мужчины к женщине тесно связан с вопросом о семье, без которой люди не могут жить в существующем теперь обществе. Он знал, что для того, чтобы любовь была вполне свободна, нужно перестроить все семейные, а следовательно, и все общественные отношения. Но он не остановился перед этой мыслью, потому что иное дело те любовные отношения, в которые люди будут вступать впоследствии, иное дело та человечность и разумность, которые уже в настоящее время возможны в браке между развитыми людьми. Если бы потомство Веры Павловны и Лопухова умножилось, как песок морской, то и тогда они остались бы людьми разумными и гуманными, а следовательно, и не отравляли бы друг другу жизни за невольные, не зависевшие от их воли уклонения чувства. Чернышевский, может быть, даже нарочно изобразил в своем романе простейший случай: возникновение нового чувства у замужней бездетной женщины.

Уяснив на этом случае взаимные обязанности порядочных людей, он затем мог уже ожидать, что понявшие его читатели сами решат, как должны вести себя в подобных случаях имеющие детей брачные пары: под влиянием различных частных соображений они могут поступать различно; но раз они поняли взгляд Чернышевского, они никогда уже не поведут себя подобно людям старого закала.

XIII

Мы знаем, — распространение в России великих идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать единственную, цель в жизни нашего автора. В интересах такого распространения написал он и роман *«Что делать?»* Ошибочно было бы рассматривать этот роман исключительно только как проповедь разумных отношений в любви. Любовь Веры Павловны к Лопухову и Кирсанову — это только канва, по которой располагаются другие, более важные мысли автора. Мы уже говорили об ассоциациях, заведенных Верой Павловной. Заставляя ее братья за эту деятельность, автор хотел указать своим последователям на практические задачи социалистов в России. В снах Веры Павловны яркими красками рисуются социалистические идеалы автора. Картина социалистического общежития нарисована им целиком по Фурье. Чернышевский не предлагает читателям ничего нового. Он только знакомит их с теми выводами, к которым давно уже пришла западноевропейская мысль. Здесь опять приходится заметить, что взгляды Фурье уже в сороковых годах известны были в России. За фурьеризм судились и были осуждены «петрашевцы»³. Но Чернышевский придал идеям Фурье небывалое до тех пор у нас распространение. Он ознакомил с ними широкую публику. Впоследствии у нас даже поклонники Чернышевского пожимали плечами, говоря о снах Веры Павловны. Сбившиеся ей фаланстеры казались потом некоторым довольно наивной мечтой. Говорили, что знаменитый писатель мог бы побеседовать с читателем о чем-нибудь более к нам близком и более практичном. Так рассуждали даже люди, называвшие себя социалистами. Признаемся, мы совсем не так смотрим на это дело. В снах Веры Павловны мы видим такую черту социалистических взглядов Чернышевского, на которую, к сожалению, не обращали до сих пор достаточного внимания русские социалисты. В этих снах нас привлекает вполне усвоенное Чернышевским сознание того, что социалистический строй может основываться только на широ-

ком применении к производству технических сил, развитых буржуазным периодом. В снах Веры Павловны огромные армии труда занимаются производством сообща, переходя из Средней Азии в Россию, из стран жаркого климата в холодные страны. Все это, конечно, можно было узнать и из Фурье, но что этого не знала русская читающая публика, видно даже из последующей истории так называемого русского социализма. В своих представлениях о социалистическом обществе наши революционеры нередко доходили до того, что воображали его в виде федерации крестьянских общин, обрабатывающих свои поля тою же допотопною сохою, с помощью которой они ковыряли землю еще при Василии Темном. Но само собою разумеется, что такой «социализм» вовсе не может быть признан социализмом. Освобождение *труда* может совершиться только в силу освобождения человека от «*власти земли*» и вообще природы. А для этого последнего освобождения безусловно необходимы те армии труда и то широкое применение к производству современных производительных сил, о которых говорил в снах Веры Павловны Чернышевский и о которых мы, в своем стремлении к «*практичности*», совершенно позабыли.

Что социалистические взгляды Чернышевского не были понятны очень многим из его читателей,— видно из прекрасной в литературном отношении статьи Д. И. Писарева «*Мыслящий пролетариат*»⁴, представляющей собою разбор «*Что делать?*» — Писарев в восторге от Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова. Для него они являются истинными представителями «базаровского типа», поставленными в наиболее подходящую для них обстановку*. Это — новые люди в полном смысле слова. Но как представляет он себе характер и деятельность новых людей? Он схватывается прежде всего за то, что все они занимаются естественными науками. Естественные науки были, как известно, для Писарева альфой и омегой знания. Занимайся одной из этих *настоящих наук*, трудись, устрой разумно свои отношения к жене и друзьям — и ты тем самым станешь «мыслящим пролетарием», будешь работать на пользу других, пока еще не мыслящих пролетариев, будешь вполне «*солидарен*» с ними. О том, что у «мыслящего» пролетария могут быть иные, более широкие задачи по отношению к

* Впрочем, сам Чернышевский едва ли смотрел на своих героев как на представителей «базаровского типа». «Современник» видел в Базарове карикатуру на «молодое поколение» (см. известную статью М. А. Антоновича: «Асмодей нашего времени» в мартовской книжке «Современника» 1862 г.).

остальным пролетариям,— в статье нет ни слова. Конечно, хорошо завести, подобно Вере Павловне, ту или другую ассоциацию, но главное не в этом, а в разумном устройстве личной жизни и в занятии естественными науками. Рахметова Писарев даже вовсе не понимает. Он, пожалуй, и не прочь и похвалить Рахметова (нельзя не похвалить его, его хвалит сам Чернышевский), но, не понимая этого типа, он невольно обнаруживает свою антипатию к нему. Настоящими, идеальными «новыми людьми» для Писарева все-таки остаются Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов. Между тем, по мнению Чернышевского, Рахметов так же относится к Лопухову и его ближайшим друзьям, как огромный дворец относится к обыкновенному дому. Рахметов и выведен для того, чтобы показать относительную заурядность людей, подобных Лопухову. Лопухов — человек личных отношений. Он очень сочувствует социализму, но занимается общественными делами лишь мимоходом, лишь когда случится. Рахметов посвящает общественному делу все свое время и все свои помышления. Он совсем не знает личных печалей и радостей. Он даже решился никогда не сходиться с женщиной. Поэтому он совершенно застрахован от историй, подобных той, в которой обрисовался характер Лопухова и Кирсанова. Это — человек идеи. Только на служении идее и могут обнаружиться богатые силы этого железного характера. В личных отношениях он тяжел, если хотите — просто невыносим, как это без церемоний говорит ему Вера Павловна. Да он и сам сознает это и нимало не огорчается подобным сознанием. Большому кораблю — большое плавание.

Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новых людей» — революционера. Он радостно приветствовал появление этого типа и не мог отказать себе в удовольствии нарисовать хотя бы неясный его профиль. Вместе с тем он с грустью предвидел, как много мук и страданий придется пережить русскому революционеру, жизнь которого должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелого самотвержения. И вот Чернышевский выставляет перед нами в Рахметове настоящего аскета. Рахметов положительно мучает себя. Он совсем «безжалостный до себя», по выражению его квартирной хозяйки. Он решается даже попробовать, сможет ли вынести пытку, и с этой целью лежит всю ночь на войлоке, утыканном гвоздями. Многие, и в том числе Писарев, видели в этом простое чудачество. Мы согласны, что некоторые частности в характере Рахметова могли быть изображены иначе. Но вся совокупность его характера все-таки

остается вполне верной действительности. В каждом из выдающихся русских революционеров была огромная доля рахметовщины.

Теперь революционер из «интеллигентной» среды почти совершенно сыграл свою роль. В нем уже нет оригинальности, он повторяется, мельчает. На смену ему должны прийти, — и, конечно, придут, — революционеры из рабочей среды, эти истинные «дети народа». Но он имел свою, полную славы, историю, и потому нельзя не подивиться чуткости Чернышевского, который сумел так хорошо подметить и так верно изобразить по крайней мере главнейшие черты только что нарождавшегося тогда типа.

го» (Атеней. 1859. № 8. С. 499). См. также: Добролюбов Н. А. Темное царство // Собр. соч. Т. 5. С. 17.

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. С. 19—20.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ См. примеч. 9 на с. 452.

¹¹ Плеханов цитирует по кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Кн. 11. С. 66.

¹² Цитата из рецензии Т. И. Филиппова (Русская беседа. 1856. № 1. Разд. 3. С. 72).

¹³ См. примеч. 10 на с. 453.

¹⁴ Имеются в виду пьесы «Бедность — не порок» и «Не в свои сани не садись».

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 240.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Т. 4. С. 732.

¹⁸ Там же. С. 725.

¹⁹ Там же. С. 723.

²⁰ Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Собр. соч. Т. 6. С. 307.

²¹ Там же. С. 308.

²² Там же.

²³ Там же. С. 311.

²⁴ См.: Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Собр. соч. Т. 6. С. 96.

²⁵ Там же. С. 314.

²⁶ Строки из стихотворения «Доктрина». — См.: Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 105.

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 92.

²⁸ Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Собр. соч. Т. 6. С. 309.

²⁹ Имеются в виду характерные для литературы 40—50-х гг. типы «лишнего человека» (Печорин Лермонтова, Рудин Тургенева и др.).

³⁰ Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Собр. соч. Т. 6. С. 317.

³¹ Чернышевский подробно развивает эти мысли в статье «Антропологический принцип в философии» (Полн. собр. соч. Т. 7. С. 222—295).

³² Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Собр. соч. Т. 6. С. 318.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 334.

³⁵ Там же. С. 352.

³⁶ Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья // Там же. С. 243—244.

³⁷ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 156—174.

³⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 6. С. 363.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Цитата из мемуаров И. И. Панаева «Воспоминание о Белинском» (Современник. 1860. № 1. С. 335—376). — См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 303.

⁴¹ «Некто в сером» — зловещий персонаж в пьесе Л. Андреева «Жизнь человека», олицетворение слепой и неумолимой судьбы.

«О РОМАНЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»»

Данный текст является отрывком из первой статьи (1890), открывшей большой труд Плеханова о Н. Г. Чернышевском, который был опубликован в четырех книгах литературно-политического обозрения «Социал-демократ» (Лондон; Женева. 1890—1892. № 1—4). Позднее с некоторыми изменениями эти статьи вошли в книгу «Н. Г. Чернышевский» (см. примеч. к статье «Белинский, Чернышевский и Писарев»), где Плеханов уже не так явно подчеркивал революционный пафос романа Чернышевского.

Здесь публикуется первоначальный текст из «Социал-демократа»; название отрывка дано составителем, нумерация глав сохраняется.

¹ *Луcretia Флориани* — героиня одноименного романа Ж. Санд (1846), которую Плеханов сравнивает с Верой Павловной из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

² *Обскурантами*, т. е. мракобесами, Плеханов называет здесь враждебных в отношении передовых демократических идей писателей и журналистов, выступавших в реакционных и либеральных изданиях в 1861—1863 гг. и ярой критикой встретивших, в частности, появление романа «Что делать?».

³ *Петрашевы* — участники петербургского кружка М. В. Петрашевского и связанных с ним кружков 40-х гг. XIX в., в которых велась пропаганда демократических и социалистических идей; выступали за переустройство крепостнической и самодержавной России. В их философских воззрениях заметным было влияние сочинений великого французского утописта Ш. Фурье, а также А. И. Герцена. Однако в отличие от Фурье часть петрашевцев признавала необходимость политической борьбы и создания революционной организации. В апреле 1849 г. почти все члены кружков были арестованы и осуждены на казнь, замененную впоследствии ссылкой. В студенческие годы непосредственное влияние петрашевцев испытал на себе Н. Г. Чернышевский.

⁴ См.: Писарев Д. И. Соч. Т. 4. С. 7—49.

Н. А. НЕКРАСОВ

Впервые статья была опубликована в виде отдельной брошюры (Женева, изд. «Заграничной лиги русских революционных социал-демократов», 1903); позднее перепечатывалась во всех трех изданиях сборника статей